

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РУССКО-КИТАЙСКОГО ФРОНТИРА

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2

Образ восприятия маньчжуров в «дорожных заметках и воспоминаниях» С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 годах)»

Анна Анатольевна Забияко

(Амурский государственный университет: Российская Федерация,
675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, д. 21)

Аннотация. Статья представляет собой исследование «дорожных заметок и воспоминаний» русского этнографа С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур» (1860–1861) в части его путешествия по дальневосточным землям и знакомства с маньчжурским и китайским населением. Работа осуществлена сквозь призму развития этнографических изысканий той поры, связанных с запечатлением в текстах русских путешественников образов восприятия маньчжуров и китайцев. Делается вывод, что в этнографической программе С. В. Максимова к моменту поездки на Дальний Восток уже были сформированы основные приемы и определена логика полевой этнографии (предварительная историческая подготовка, экспедиционное исследование, включенное наблюдение, опрос), которые ученый спроецирует на создание образа восприятия представителей инокультуры и которые впоследствии определят методологию отечественных этнографов. Особенно продуктивными представляются культурно-исторический и сравнительно-типологический подходы С. В. Максимова к исследованию маньчжуров в сопоставлении традиций инокультуры и культуры собственной в их взаимодействии с русским населением Дальнего Востока. Автор статьи выделяет народнический фрейм восприятия инокультуры С. В. Максимовым, а также индивидуальные особенности исследовательской установки, обусловленные парадоксальным типом мышления автора, его тонким языковым чутьем, ироническим видением мира, особой повествовательной стратегией, впоследствии внесшими весомый вклад в развитие художественной этнографии Дальнего Востока.

Ключевые слова: С. В. Максимов, образ восприятия, этнография, дальневосточный фронтир, Айгун, маньчжуры.

Исследование выполнено в рамках гранта АмГУ «Мир этнических культур в востоковедении дальневосточного фронтира (по материалам архивов)».

Дата поступления статьи: 27 октября 2024 г.

Дата публикации: 25 июня 2025 г.

Для цитирования: Забияко А. А. Образ восприятия маньчжуров в «дорожных заметках и воспоминаниях» С. В. Максимова «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 годах)» // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 2. С. 109–121.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.2.008>

Одна из дискуссионных проблем сегодняшней филологии — соотнесение этнографического и художественного начал в исследовании и саморефлексии народов, их традиций и обычаев. Сторонники сугубо научного подхода к этнографии с большим скепсисом оценивают возможности так называемого художественного этнографизма в деле народознания. Между тем так было далеко не всегда, и истоки развития современной этнографической методологии восходят к триединству филологии, истории и собственно народоведения. Именно таким образом развивалась отечественная научная парадигма в этнографической сфере в середине XIX в., после учреждения в 1845 г. Императорского Русского географического общества, открытия в 1848 г. Этнографического отдела при нем и начала мощного экспедиционного движения в разные уголки России и за ее пределы писателей с народническими устремлениями и исследователей-универсалов, наделенных художественным даром.

Одним из ярких представителей этнографической науки XIX столетия является Сергей Васильевич Максимов (1831–1901) — этнограф, фольклорист, мемуарист, писатель; путешественник, почетный академик Петербургской академии наук (1900) [Щербакова 2023]. Максимов с детства интересовался народным бытом и обычаями. Учась на медицинском факультете вначале в Московском, затем в Санкт-Петербургском университете, он начинает писать очерки из народной жизни (мещан, крестьян, мастеровых) и отдавать их в «Библиотеку для чтения» и другие популярные у обывателя и общедоступные издания. В «Истории русской этнографии» А. Н. Пыпин писал: «Очерки его обратили на себя внимание, и, ободренный Тургеневым, который всегда с добрым чувством следил за молодыми возникающими дарованиями, г. Максимов предпринял в 1855 году на свой страх литературно-этнографическую экскурсию, а именно пешеходное странствие во Владимирской губернии, был потом в Нижнем во время ярмарки и в глухих

местах Вятской губернии. Это был один из первых опытов прямого изучения народного быта в молодом поколении того времени». Почин Максимова совпал с новой полосой литературных интересов, «становившихся тогда все более и живыми общественными интересами: изучение народного быта было на очереди, когда в обществе начались оживленные толки о приближающемся освобождении крестьян» [Пыпин 1864, 70].

Поражение в Крымской войне (1853–1856), обострение внешнеполитической обстановки всемерно содействовали эпохе географических открытий и интересу к жизни собственных государевых подданных на окраинах России. Литераторам той поры, в основном объединившимся вокруг журнала «Москвитянин», отчасти было суждено стать споспешниками государственных начинаний. С. В. Максимов характеризовал эти шаги императорского двора как «крутой переход ко вниманию, поощрению и исканию помощи в литературных деятелях» [Максимов 1890, 50].

После пешей экспедиции по Центральной России С. В. Максимов и его публикации в «Отечественных записках», «Библиотеке для чтения» оказываются замеченными группой под руководством вел. кн. Константина Николаевича. Пытливому молодому человеку делается предложение отправиться на Русский Север собирать материалы о жизни и быте поморов.

Вспоминая процесс подготовки экспедиций, С. В. Максимов упоминал о рекомендациях, данных немногим исследователям (среди них — направленный на Волгу А. Н. Островский, на Каспий — А. Ф. Писемский), пожелавшим отправиться в путешествие. Интуитивным этнографам было рекомендовано «обратить особенное внимание на жилища обитателей, их промыслы, с показанием обстоятельств, благоприятствующих и мешающих развитию оных; суда и разные судоходные орудия и средства, ими употребляемые, означая их названия и представляя, если возможно, их изображения

на рисунке; физический их вид и состояние, преимущественно их нравы, обычаи, привычки и все особенности, резко отличающие их от прочих обитателей той же страны, как в нравственном, так и в промышленном отношении, а равно и в речи, поговорках, поверьях и т. под.», — т. е. настоящая программа этнографического исследования [Пыпин 1864, 73].

Именно в этой поездке сложилась манера Максимова-исследователя, предполагающая предварительную архивную подготовку; знакомство с историческими и статистическими данными изучаемой местности; овладение тонкостями общения с информантами; интерес к каждой личности, ее психологическим проявлениям; точность описаний. Эти особенности («желание понять народный быт, как он есть, с создавшими его условиями, понять равноправно и человечно») были отмечены уже современниками.

Опубликованные после поездки на Север материалы С. В. Максимова были весьма отрадны, имели литературный успех и надолго определили этнографические интересы исследователя. Первые две книги «Год на Севере» были поощрены Малой золотой медалью Императорского Русского географического общества и, «по-видимому, произвели столь же приятное впечатление в морском ведомстве, так что тотчас по окончании северной поездки ему предложена была поездка на Дальний Восток» [Максимов 1859].

Дальневосточная экспедиция была обусловлена насущной внешнеполитической и внутривосточной необходимостью и снаряжена как раз в «то самое время, когда только что приобретенная Амурская область была предметом оживленной, даже резкой полемики, которую вели, в особенности г. Романов с одной стороны и Д. Завалишин, защитник и противник новоприобретенного края и способов его колонизации» [Завалишин 2018].

Напомним: в 1858 г. был заключен Айгунский договор, и 20 декабря (8 декабря по старому стилю) 1858 г. именным указом императора Александра II,

«данном Сенату» и «опубликованным 31 того же декабря», было Высочайше утверждено «Положение об управлении Амурской области» [С возвращением 2022]. 5 июля указом императора Александра II на месте станицы Усть-Зейской, названной генерал-губернатором, по случаю закладки в ней 9 мая храма во имя Благовещения Пресвятыя Богородицы, «Благовещенской», был учрежден город Благовещенск. Заселение Амурской области сопровождалось известными трудностями, обусловленными злоупотреблениями и бесхозяйственностью управленцев на местах, несмотря на бодрые реплики Н. Н. Муравьева-Амурского императорскому двору. Суровые условия новообретенных территорий пугали переселенцев, требовали иных способов хозяйствования, нежели те, к которым они привыкли на прежних местах. Необходима была выработка и иной системы управления, неотделимой от возможностей сношения с местным населением и теми, что обретались на правобережье Амура с более давних времен.

Путешествие С. В. Максимова, продолвшееся год (1860–1861), стало поводом для ряда новых статей, опубликованных в «Морском сборнике». В 1864 г. он объединяет свои записи в целостное произведение и издает отдельной книгой «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 годах)» с жанровым подзаголовком «Дорожные заметки и воспоминания» [Пыпин 1864; Максимов 1864].

В современной этнографии, фольклористике и литературоведении С. В. Максимов известен в первую очередь как «этнограф-беллетрист» [Энциклопедический словарь 1896, 444], исследователь русского народа, создавший многогранный образ самовосприятия представителей русского народа (владимирских, костромских, вятских, нижегородских, поморских) — с разных географических, социальных, этнопсихологических ракурсов. За пределами понимания вклада С. В. Максимова в отечественную науку остается его вклад в раскрытие механизмов взаимовосприятия этносами друг

друга с точки зрения этнопсихологии и транспонирования этого материала в художественное пространство.

История отечественной этнографии середины XIX в. и ее тесной, неразрывной связи с историей и филологией, а также литературным творчеством исследованы А. Н. Пыпиным [Пыпин 1864]. Личная рефлексия этнографического процесса указанной поры и проблем, его сопровождающих, отражена в работах самого С. В. Максимова [Максимов 1890].

История освоения Амурской области запечатлена в архивных документах и трудах современных исследователей [История Амурской области 2008].

История формирования маньчжурской культуры исследована Е. И. Кычановым [Кычанов 2010], маньчжурское присутствие в Приамурье развернуто представлено в коллективной монографии «Маньчжурский клин» [Болотин и др. 2005].

Порубежье как онтологическая установка, определяющая религиозное сознание народов дальневосточного приграничья, введено в научный оборот А. П. Забияко [Забияко 2016].

В каждой национальной культуре доминируют свои этнокультурные константы, определяющие особенности мировоззрения, религиозности, этнической психологии, художественного творчества, исторической судьбы народа. Данные проблемы затронуты в исследованиях А. П. Забияко [Забияко 2003]. Константы этнической культуры формируют представления народов об основополагающих сторонах человеческого существования (времени, пространстве, святом, отчизне, чужбине, отношении к предкам, отношении к труду и т. д.) [Забияко 2009; Кляус 2015]. В современном гуманитарном знании для определения такого рода неразложимой системы базисных категорий используется понятие «фрейм» [Забияко 2008].

А. Н. Веселовский считал, что человечество стремится к универсальности; именно подсознательное, безотчетное узнавание в «чужом» «своего» позволяет

людям находить общий язык, а культурам — смешиваться [Веселовский 2018].

Проблемы художественного этнографизма в отечественной науке и литературе исследованы А. Л. Фокеевым [Фокеев 2015].

Феномен художественной этнографии дальневосточного фронта исследован автором статьи и О. Е. Цмыкал на материале творчества писателей-дальневосточников, впоследствии оказавшихся разделенными эмиграцией (В. К. Арсеньев, П. В. Шкуркин, Н. А. Байков, В. Март и др.) [Забияко 2016; Забияко, Цмыкал 2021; 2024]. В сотрудничестве с Е. В. Сениной и с опорой на работы Т. Г. Стефаненко [Стефаненко 2004] разработаны аспекты имагологического осмысления категории «образ восприятия» и конкретика образов взаимного восприятия русских и китайцев в литературе [Забияко, Сенина 2018; 2025].

В настоящем исследовании мы опираемся на междисциплинарный подход, сочетающий историко-генетический, культурно-исторический методы, а также структурный и стилистический анализ текста. В основе работы — концепция дальневосточного фронта и фронтальной ментальности, теоретически и практически выверенные аспекты категории образ восприятия, а также трактовки художественного этнографизма как равноправного с классической этнографией способа познания народов, их традиций и обычаев.

Во введении к «дорожным заметкам и воспоминаниям» «На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 годах)» С. В. Максимов представляет опыт обобщения трех предыдущих экспедиций по России, формулируя свою установку этнографа-собираателя: «...кладем в основу откровенность, личные наблюдения, голые факты, взятые из жизни» [Максимов 1864, 2].

Архитектоника книги представляет собой проспект поступательного запечатления самого хода путешествия на Дальний Восток: «Введение», «Путь на Амур», «На Амуре», «В Восточном океане», «В Японии», «В Маньчжурии», «У китайцев».

Финальная во всем повествовании маньчжурско-китайская тема занимает практически одну треть. Это вполне объяснимо той целью, с которой С. В. Максимов поехал на Дальний Восток: выяснить, в каких условиях проживает новоприбывшее русское население на дальневосточной ойкумене. Несмотря на то что экспедиция Максимова побывала лишь в нескольких местах расселения маньчжуров и китайцев, этим народам уделено серьезное внимание исследователя.

Создание образа восприятия Маньчжурии С. В. Максимов начинает с исторического экскурса во времена возникновения империи Цин. Изначально исследователь настроен позитивно, прибегая к приему рефлексии через **параллелизм исторических, социально-политических и социально-бытовых (позднее) реалий** России, Китая и Маньчжурии как особенной части Китая: «В то время, когда наша православная Русь обрелась в непроглядном мраке суеверия и невежества и в ожидании тяжелой руки Петра решала на-последях вопрос о преимуществе старого перед новым и даже в доказательство истины успела не один раз поколоться (пиками), и порубиться (бердышами), и постреляться (из пищалей) — языческий Китай находился на верху своей славы и в положении государства, цивилизация которого дошла до своих крайних пределов и в то время стоила дороже европейской» [Максимов 1864, 429].

С. В. Максимов отчасти полемизирует с установившимся в российском сознании восприятием «недвижности Китая» по сравнению с Европой, а отчасти иронизирует над историческим прошлым Китая, приведшим к маньчжурскому правлению. Для этого он выбирает **прием парадокса**.

«Всё, что нужно было азиатскому государству — в Китае имелось даже с европейским избытком: в двух столицах (Нанкине и Пекине) помещалось его правительство, с главным представительством самого сына неба, с коренною опорою на войско, умевшее уже стрелять из ружей порохом, и на громадную мас-

су чиновников, которые сидели на народе чуждым паразитом и, как пьявки, высасывали из него лучшие силы, самые жизненные и питательные соки» [Там же, 427–429].

Глубинная народность Максимова, о которой писал А. Н. Пыпин, противопоставляя его, к примеру, В. И. Далю, и которая характерно проявилась в предыдущих публикациях этнографа, определяет исследовательскую установку всемерного интереса к инокультурным реалиям жизни простого народа. Потому еще одна характерная черта создания образа восприятия Максимовым — **фрейм народничества**. Именно сквозь эту призму он преподносит в социально-политическом ключе смену Минской династии Цинской [Там же, 429]. Можно заметить, что залогом успешного развития нации Максимов считает деятельность и саморазвитие, и эти мысли найдут в его тексте продолжение.

Между делом отметив специфику формирования официальной истории Китая — ее эвгемеризм, Максимов переходит к характеристике маньчжуров XVII в. — завоевателей Китая: «Племя это кочевало под боком, вблизи китайских границ и на обширных и благодатных равнинах, омываемых крупнейшей рекой Сунгари с ее бесчисленными притоками, скопило великую мощь и силу, достаточные для того, чтобы при помощи одного смелого и решительного собирателя земли своей и под его руководством всей своей массой опрокинуться на соседа и задавить его» [Там же, 430].

Экскурсы в историю Маньчжурии проникнуты эпическими нотами. Описывая далее роль этнической миграции из внутреннего Китая на Северо-Восток и ее социокультурные характеристики, автор выбирает точку зрения, дистанцированную от своей этнической и политической принадлежности: «И скопил Амур густое население из маньчжур на всем том прибрежном пространстве, какое залегло между устьями двух больших его притоков: Сунгари и Зеи. Множество деревень с оседлым населением, при прочном хозяй-

стве и домоводстве, с городом Айгуном (по-маньчжурски Сахалян-ула-хотон) в самом центре своем, тянулись в непрерывном ряде, цепляясь одна за другую садами и соединяясь кладбищами, на всем этом пространстве Амура. Особенно сильно облюдовало оно и обильно застроилось постоянными жилищами оседлых маньчжур, когда после изгнания русских из Албазина и с берегов Амура, выстроилась в Айгуне крепость и сосредоточилось в ней местное военное управление, назад тому почти двести лет». Меткий глаз исследователя сразу подмечает роль этнокультурных контактов русского и китайского (маньчжурского) населения в приграничье: «...добрая связь соседей вязалась втихомолку и тайно, хотя в том и другом случае замечательно-прочно» [Там же, 441–443].

Экспедиционное исследование приамурского маньчжурского населения С. В. Максимовым было недолгим, носило точечный характер и не затронуло широких пластов социальных слоев маньчжурского населения. Помимо обзорного наблюдения за маньчжурами новорожденного российского Приамурья (та часть территории, что позднее будет определена как «маньчжурский клин») [Болотин и др. 2005], русский этнограф сумел попасть на ту сторону границы, в городок Айгун.

Время путешествия С. В. Максимова на правый берег — осень 1861 г., как он сам подчеркивает, спустя пять лет после основания Усть-Зейского поста. Судя по предваряющим его собственно этнографические наблюдения заметкам, Сергей Васильевич основательно подготовился к данной поездке. Очевидно, знание им не только исторических материалов, касающихся китайских династий и собственно династии Цин, но и имеющих к тому времени российских китаеведческих исследований. К тому времени «русское китаеведение, пройдя в XVII — первой четверти XVIII в. стадию накопления сведений о Китае и создания его географических и политических описаний, после создания Академии наук и заключения Кяхтинского трактата начало оформлять-

ся как научная дисциплина» [Мясников 2017]. К моменту начала экспедиции в России были опубликованы многие китаеведческие труды Алексея Леонтьева, о. Иакинфа Бичурина и др. Кроме того, Максимов и его спутники основательно напитались эмпирическими наблюдениями, пообщавшись в Благовещенске с людьми опытными, — это автор «дорожных заметок и воспоминаний» постоянно подчеркивает. Правда, не все случаи были ими учтены, и знания спонтанно восполнялись либо подтверждались уже в практике межэтнического общения на правом берегу.

Описание посещения маньчжурского городка Айгуна (или Сахалян-ула-хотона, основанного в 1683 г. как резиденция цзяньцзюня, генерал-губернатора) строится на позитивистском принципе поэтапного запечатления событий и впечатлений. С. В. Максимов органично вплетает в текст обозначения инокультурных пространственных объектов — топонимов (названия городка — *Айгун*, *Сахалян-ула-хотон*) и соционимов (*нойон*, *амбань*), антропонимов (*Оргинга*, *Ад-жинтай* и др.), названий элементов одежды (*курма*).

Эти реалии — яркая примета того, как в языке маньчжурского населения в 1861 г. пока еще органично переплетены собственно маньчжурский и монгольский компоненты: например, в именовании города элементы *сахалян-* и *-ула* (乌拉; *wūlā*) маньчжурского происхождения и обозначают «черная река», элемент *хотон* — старомонгольского происхождения, появился во время правления монгольской династии Юань и означает «город» [Kane 2006, 191].

Однако уже описание городских улиц не характеризуется в его восприятии с «первого взгляда» национальной спецификой: «Мы видели мало. Улица напомнила нам Москву, переулки, все кривые и узкие до невозможности, перенесли нас туда целиком. Направо и налево лавки, лавки сплошь в изумительном множестве: одни с москательными, другие с красными, третьи с бакалейными товарами; тут

и съестные, в которых жарят, пекут и воняют на всю улицу. Чем не харчевня и чем не Зарядье этот айгунский Невский проспект, московский Кузнецкий мост!»

Далее все более заметно влияние китайской ритуалистики на маньчжурских чиновников: «Мы повернули направо на первый двор, наполненный множеством статных, красивых и оседланных лошадей. Здесь нас встретили двое чиновников. Мы взяли потом еще направо — еще дверь и еще чиновники. Пришли на третий: перед нами какие-то диковинные ворота с китайскими арабесками и на-малеванными страстями в виде неизменных драконов и других фантастических чудовищ: нам показалось смешно, но не страшно» [Максимов, 1864, 465]. Очевидно, что уже пресыщенный российским тотальным увлечением шинуазри, наш автор не удивлен и даже обескуражен.

Но самым очевидным фактом окитавания маньчжуров становится крутой «передел китайских церемоний», в который попадает делегация из России. Наши путешественники, подготовившиеся перед отъездом в Благовещенске, «еще с утра решились выдерживать их до конца со всем упорством и стойкостью, пока не лопнет последнее терпение (а терпения на то время у нас было много)» [Там же, 466].

Нужно отдать должное — тонкий этнограф следует обстоятельствам и набирается опыта по ходу дела: «Битых четыре часа длилась вся процедура свидания. Ему — против нашей воли — суждено было предшествовать тому делу, ради которого мы забрались в Айгун. Мы дорожили временем; маньчжуры — за избытком своего — нашего не пожалели; нас самих не поняли и давали нам не то, что мы хотели, а то, что они сами сочли за благо. Весь план вышел не тот, что мы себе рисовали, и, не привыкши ходить на чужой монастырь со своим уставом, шли как слепые вперед, цепляясь за проводника из маньчжур, и, к несчастью, натолкнулись по пути и на то, что, собственно, должно было лежать для нас в стороне. Так, напр.<имер>, мы должны были выдерживать церемонию торжественного при-

ема, а — как по пословице — из песни слова не выкинешь» [Там же, 465–466].

Описание маньчжурских чиновников подтверждает тотальное влияние китайской системы «табели о рангах» на организацию управления у маньчжуров: «Нас ввели в комнату, наполненную нойонами, и, не дав усесться, подняли снова и повели во вторую. Здесь стоял высокий стол, покрытый красным сукном; на возвышении стояли русские часы; другие часы щелкали на стене». Костюмы чиновников описаны со всей тщательностью: «На шее у Оргинги и у некоторых других висели длинные четки или бусы из камней. На спине шла тесемка, на самой поясице кончавшаяся — у одних аметистом, сердоликом, оправленным в серебро и служившим — по объяснению чиновников — амулетом. Амулет этот обязан был предохранять военного на поле битвы от напрасной смерти. Все в шапках с приподнятым кверху краями, с шариками, утвержденными на макушке медными шпенёчками. У самых низших чинов (*хорунжих* — по объяснению нашего казака переводчика Перебоева, бывалого, любимого всеми маньчжурами и известного под именем *Перебо*) шарики были белые, стеклянные, матовые; у нойонов чином постарше — белые, прозрачные; еще постарше — синие, тусклые; у войскового старшины — синие, прозрачные и т. д.). <...> Примечательно, что, переняв китайскую иерархию обмундирования, маньчжуры придерживаются сверху донизу национального типа прически» [Там же, 459].

По ходу дела Максимов касается внешнего и внутреннего обустройства чиновничьего аппарата по типу китайского двора: «Шпионы и лакеи неофицерского звания и отличаются от других чиновников тем, что шарик у них просто металлический, именно медный».

Кульминационным моментом в описании айгунских чиновников становится явление **амбаня**, и оно же является прологом к последующему развитию сюжета общения с ним: «...маньчжурский генерал — весь красный, в суконной, но

не шелковой, ярко-красной куртке, с маленькими металлическими пуговками, в шапке, украшенной по краям не мерлушкой, а пушистым соболем; на макушке ее красовался матовый розовый, генеральский шарик». Из примечания мы узнаем, что цвет и камень шарика на шапочке амбана свидетельствует о его высоком статусе — всего «в одном шарике» от чина придворного [Там же].

Подробнейшим образом этнограф фиксирует вторую группу церемоний, предшествующих обеду: обычай «совместного курения» трубки его делегации и амбана, дегустации нюхательного табака, чаепития со сладостями и сушеными фруктами (уже старыми, заплесневелыми, доставляемыми из Центрального Китая, в результате последнего «мы были неудовлетворены сладким, хотели есть что-нибудь поблагонадежнее, без тошноты и оскомины» [Там же, 467].

Еще более подробно излагаются этапы угощения русской делегации обедом, что заканчивается впечатлением: «...Все эти блюда были спутаны, смешаны, в беспорядке, но все они нам были памяты, всех блюд мы отведали, и на то время кухня амбана <...> оказалась роскошной и вкусною. <...> потому, может быть, что в Благовещенске и на всем голодном Амуре ни у кого нет и десятой доли того, что выставил нам амбань на хвостовство и на угощение» [Там же, 468].

Образу амбана уделяется особое внимание: от описания его наряда, его манер как чиновника, повадок (зооморфной пластики тела и реакций на фразы, манеры говорить), высказываний. Начав с диалогических форм речи, Максимов переходит к фиксации псевдиалога, который ведет с ним амбань, не ожидая ответов на свои вопросы (он «круто повернул свою речь и заговорил другими вопросами») [Там же, 461]: «Амбань уже вспыхнул и вскочил даже с места, но мгновенно спохватился и, хотя глаза его еще горели неестественным огнем и взгляд его был дик и неприятен, он сел опять на место»; «он казался мне барсом, на которого случайно накинута человеческая личина и

укреплены путы бесчисленного множества китайских церемоний. Они его выполировали снаружи, но дичины не соскребли изнутри» [Там же, 462].

Две темы волнуют амбана и окружение: боязнь англичан и проблемы с торговлей водкой (аракой): «крошкой, засевшей в горле и вызывавшей перхоту», являлся вопрос об араке — водке, которую маньчжурам запретили привозить в Благовещенск («за то только, что там один солдат опился и умер») [Там же, 464]. Максимов обращает внимание на этнический характер маньчжура, проявляемый в его реакциях: «С изогнутой спиной, осторожно ступая, вышел он из толпы нойонов; с вопросительным, торопливым видом обратился он к нашему переводчику и сейчас же, наведя на физиономию свою ласково-приветливую, весело-глядящую улыбку, он подошел ко мне, радостно пожимал в обеих своих мою руку, осторожно взявши за плечи»; «На угощения амбань был также охотлив и искренен, также изворотлив, ловок и предусмотрителен». Автор обращает внимание на его ложь и лицемерие по отношению к русским, нелюбовь и боязнь англичан [Там же, 470–471]. Китайская «наука церемоний» не прошла для него даром, и айгунский амбань казался нам таким человеком, который не пропал бы и на самых скользких паркетах, в самых изысканных и капризных салонах» [Там же, 473].

Для приехавших из необустроенного и голодного Благовещенска русских отрадным становится хлебосольство маньчжуров — и это та точка этнической совместности маньчжуров и русских, которую намечает русский этнограф: «Уходя от амбана, мы выносили убеждение, что если русское хлебосольство достохвально и прославлено, то маньчжурское его перещеголяло и не может идти в сравнение ни с каким другим из азиатских, т. е., например, с тем же русским, с персидским, татарским и проч.». Писатель оживляет подробное воспоминание об угощении амбана гоголевским юмором и щедринским гротеском: «Сытые и довольные гости должны были благодарить хозяев

икотой, но мы упустили это из виду, хотя и были предупреждены. Амбань не выдержал и зарыгал сам, как будто мгновенно воспалилась его грудно-брюшная преграда и как будто отечественная кухня непременно должна возбуждать икоту» [Там же, 477].

В восприятии автором-этнографом традиций и обычаев маньчжуров, наделенных властными полномочиями и имеющими уже опыт общения с русским населением, можно с самого начала уловить элемент чрезмерности, избыточности, ритуальной самодостаточности, когда дело касается необходимости следования установленным правилам и церемониалу.

Соответственно собственно маньчжурским в данном конкретном случае предстает название города, имена чиновников и их прически, да простые люди пока еще живут своей привычной бытовой жизнью (рынок, храм, школа). Даже внешний облик маньчжурок, встреченных на рынке, несет печать окитаивания: «В довершение сходства и здесь в лавках с красными товарами толкутся дамы с подбритым надлобьем и черной косой, с воткнутыми в нее длинными спицами и волосами, уже без подлога и обмана, положительно *à la chinoise*. Но дамы здесь еще стыдливые, застенчивые, дикие; завидев нас, они потуплялись, некоторые просто бежали за угол и там прятались» [Там же, 464].

Перо этнографа фиксирует образ жизни маньчжурского городка весьма эскизно; помимо покоев амбана, делегация побывала в храме, школе, на рынке. Делегацию не особо впечатлил храм: из его описания становится ясным, что маньчжурское население уже окитаилось в религиозном сознании. Более позитивным является впечатление от посещения школы (несмотря на убогость школы и бедность классов и учеников, ученики все читают и пишут по-маньчжурски, в целом маньчжуры грамотны; учитель не наказывает учеников, демонстрируя чуждеса лояльности и терпеливости).

Рынок, как наиболее яркий срез социальной активности населения, разоча-

ровывает: «Торгующих маньчжур очень мало. Племя это, сделавшись победителями и хозяевами и перенявши у китайцев все, даже до костюма, обленилось и опустилось; стало искать и занимать только правительственные должности. Вся торговля, все промыслы и ремесла, все искусства, искусства и, наконец, науки остались в руках китайцев; а затем и вся материальная и умственная сила страны сосредоточилась в ее аборигенах. Победители воспользовались только наружными, поверхностными заимствованиями и упираются теперь — как мы уже раз и сказали — единственно на войско и на чиновничество» [Там же, 479].

Выводы исследования жизни русского населения Приамурья в инокультурном окружении неутешительны: «Дорого и неудобно жить на Амуре! Дай Бог счастья и терпенья тем, кто попал туда! Нет на свете такого рая, где бы валились в рот галушки сами, без труда; но на Амуре труд этот требует большего внимания и усидчивости. Помощи ждать неоткуда: маньчжуры охотно продают и могут продавать одну только водку, да в урожайные годы хлеба немного. <...> В заключение приходится сказать и на этот раз словами практической русской поговорки: Тутой поля не изъездишь, нудой моря не переплывешь» [Там же, 484].

Книга Максимова создается в эпоху первого этапа формирования российской этнографии и фиксирует изначальную установку на сочетание этнографии и истории, языкознания, филологии в их триединстве. Имея конкретное задание — изучить жизнь русских поселенцев на новообретенных землях, С. В. Максимов был настроен на детальное исследование их быта, привычек, образа хозяйствования, одежды, так и на их взаимодействие с инокультурными реалиями, внося элементы этнопсихологического компонента в свою методологию.

В сложном жанрово-тематическом и тематико-стилистическом целом «На Востоке. Поездка на Амур» представляет

собой один из первых опытов создания художественно-этнографического текста, обращенного к описанию жителей дальневосточного фронта, в первую очередь русских, малых народов Дальнего Востока, маньчжуров, китайцев, японцев.

Максимов запечатлевает образ жизни приграничного Айгуна (Сахалин-ула-хотон), устройство маньчжурской администрации, процессы тотальной китаизации в маньчжурской среде; отмечает базовые характеристики маньчжурского этнического характера, проявленные в конкретной ситуации межнационального общения, подчеркивая необходимость глубокого изучения этноса и его языка.

Знаком с русским фольклором, Максимов выбирает функцию личного рассказчика и строит свое описание практически на кумулятивном сцеплении поговорок и пословиц, подходящих каждому новому этапу знакомства, при этом он сочетает разные точки зрения. Этот остроумный ход радует читательское восприятие и делает образ инокультуры (маньчжуров) близким и психологически понятным. Еще один прием — псевдиалогическая форма общения, дающая зримое представление воспринимающего о говоря-

щем (как в комическом диалоге дель-арте). Автор также использует приемы щедринского гротеска и остроумной тропеизации, лаконичного синтаксиса.

Его путь выстраивания художественного образа восприятия имеет кольцевую композицию: российская территория — китайская — снова российская. И только в финале для внимательного и проницательного читателя становится ясно: образ восприятия маньчжуров не был самоцелью. Сверхзаданием Максимова и его делегации было выяснить, с каким народом соседствует русское население на Амуре, каковы перспективы этого соседства — социальные, экономические, бытовые. Вывод исследователя неутешителен: он не видит перспектив в торговле с маньчжурами как с «усталой» нацией, тем, что Л. Н. Гумилев много позднее определит как «старость культуры».

Охватив многосторонние аспекты жизни русского населения Дальнего Востока в его взаимоотношениях с иноплеменными соседями, Максимов создал увлекательный художественно-этнографический текст на стыке романа-travelogue и этнографического повествования.

Источники и материалы

Завалишин 1850 — *Завалишин Д.* Ответ г. Романову на его возражения на статью под заглавием: По поводу статей об Амуре // Морской сборник. 1850. № 5. С. 1–20.

Завалишин 1881 — *Завалишин Д. И.* Амурское дело и влияние его на Восточную Сибирь и государство // Русская старина. 1881. Т. XXXII. № 9. С. 75–100.

Завалишин 2018 — *Завалишин Дмитрий Ириархович* // Декабристы. 19.06.18. URL: <https://dekabrist.mybb.ru/viewtopic.php?id=5916> (дата обращения: 08.09.2024).

История Амурской области 2008 — История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / Под ред. А. П. Деревянко, А. П. Забияко. Благовещенск: РИО, 2008.

Максимов 1859 — *Максимов С. В.* Год на Севере: В 2 т. Т. 1: Белое море и его Прибрежья. Т. 2: Поездка по северным рекам. СПб.: Изд. книгопродавца И. Е. Кожанчикова, 1859.

Максимов 1864 — *Максимов С. В.* На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 годах):

Дорожные заметки и воспоминания С. Максимова. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1864.

Максимов 1890 — *Максимов С. В.* Литературная экспедиция // Русская мысль / Под ред. В. М. Лаврова. 1890. № 2. С. 17–50.

Пыпин 1864 — *Пыпин А. Н.* Дорожные заметки и воспоминания С. В. Максимова // Современник. СПб. 1864. № 9. С. 15.

Романов 1860 — *Романов Д. И.* Амур // Морской сборник. 1860. № 6. С. 73–187.

С возвращением 2022 — «С возвращением России Приамурского края...» (из истории образования Амурской области) // Государственный архив Амурской области. 20.12.2022. URL: <https://www.amurarhiv.ru/deyatelnost-arkhiva/vystavki/s-vozvrashcheniem-rossii-priamurskogo-kрая-/?ysclid=m168tiswpg163055553> (дата обращения: 18.09.2024).

Щербакова 2023 — *Щербакова М. И.* Максимов Сергей Васильевич // Большая советская энциклопедия. 31.07.2023. URL: <https://bigenc.ru/c/maksimov-sergei-vasil-evich-f8c49d?ysclid>

d=m2cmog7ura492926449 (дата обращения: 17.10.2024).

Энциклопедический словарь 1896 — Максимов Сергей Васильевич // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. Т. XXVIII. СПб.: Семеновская типолитография (И. А. Ефрона), 1896. С. 444.

Исследования

Болотин и др. 2005 — Болотин Д. П., Забияко А. П., Пан Т. А., Аниховский С. Э. «Маньчжурский клин»: история, народы, религии. Благовещенск: АмГУ, 2005.

Веселовский 2018 — Веселовский А. Н. Социальные идеалы и идеалы искусства // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 1. С. 13–35.

Забияко 2003 — Забияко А. П. Категории «свой» — «чужой» в этническом сознании // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Матер. 3-й Междунар. науч. конф. Благовещенск: АмГУ, 2003. С. 224–228.

Забияко 2008 — Забияко А. П. Фреймы в религиоведении // Вестник Российского сообщества преподавателей религиоведения. 2008. № 1. С. 33–35.

Забияко 2009 — Забияко А. П. Этническое сознание и этнокультурные константы как фактор русско-китайских отношений // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: АмГУ, 2009. С. 124–140.

Забияко 2016 — Забияко А. П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 36–56.

Забияко, Сенина 2018 — Забияко А. А., Сенина Е. В. Образ восприятия Китая и китайцев в культуре и литературе дальневосточной эмиграции // Emigrantologia Słowian. 2018. Vol. 4. С. 5–14.

Забияко, Сенина 2025 — Забияко А. А., Сенина Е. В. Русские и китайцы: образы вза-

имного восприятия в литературе. М.: Восточ. книга, 2025.

Забияко, Цмыкал 2021 — Забияко А. А., Цмыкал О. Е. Художественная этнография в лирическом тексте (поэтический этнографизм Лариссы Андерсен) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 1. С. 45–55.

Забияко, Цмыкал 2024 — Забияко А. А., Цмыкал О. Е. Художественная этнография дальневосточного фронта 1920–1940-х гг. XX в.: жанрово-тематические и стилевые приметы // Метрополия и диаспора: альтернативные/тождественные миры русской литературы XX века: Кол. монография, посв. памяти проф. Владимира Вениаминовича Агеносова. М.: Юрист, 2024. С. 120–160.

Кляус 2015 — Кляус В. Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015.

Кычанов 2010 — Кычанов Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб.: Петерб. лингвистическое общ-во, 2010.

Мясников 2017 — Мясников В. С. Россия и Восток. Становление отечественного Китаеведения. Часть первая // Перспективы. 20.03.2017. URL: https://www.perspektivy.info/misl/cenn/rossija_i_vostok_stanovlenije_otechestvennogo_kitajevedenija_chast_pervaja_2017-03-20.htm?ysclid=m1n04h8cj1216380441#r-k%20otno%20xix (дата обращения: 29.09.2024).

Стефаненко 2004 — Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2004.

Фокеев 2015 — Фокеев А. Л. Народная культура в этнографической прозе С. В. Максимова. М.: URSS: Ленанд, 2015.

Kane 2006 — Kane D. The Chinese Language: Its History and Current Usage // Tuttle Publishing. 2006.

© А. А. Забияко, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Забияко А. А. <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и мировой художественной культуры, главный научный сотрудник Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета: Российская Федерация, 675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, д. 21; тел.: + 7 (4162) 23-45-60; e-mail: sciencia@yandex.ru

The Image of Perception of the Manchus in the “Travel Notes and Memoirs” of S. V. Maksimov “In the East. A Trip to Amur (in 1860–1861)”

Anna A. Zabiako

(Amur State University: 21, Ignatievskoe Hwy,
Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation)

Summary. *This article examines the travel notes and memoirs of the Russian ethnographer S. V. Maksimov, In the East. The Trip to Amur (1860–1861) and the nature of his contact with the Manchu and Chinese population. It considers his work through the prism of the ethnographic research of the time and focuses on the perception of Manchus and Chinese in the texts of Russian travelers. By the time of Maksimov's trip to the Far East, his ethnographic program had already defined the logic and basic techniques of field ethnography (consisting in preliminary historical preparation, expeditionary research, participant observation, survey). This both determined the way he perceived representatives of foreign cultures and shaped the subsequent methodology of domestic ethnography. Maksimov's cultural-historical and comparative-typological approach to the study of the Manchus and to their interaction with the Russian population of the Far East was particularly productive. The author of this article examines Maksimov's populist frame of perception as well as the distinctive features of his research, conditioned by the author's paradoxical type of thinking, subtle linguistic sense, ironic vision of the world, and his particular narrative strategy, all of which left a significant mark on the development of the “artistic ethnography” of the Far East.*

Key words: S. V. Maksimov, perception of foreigners, ethnography, Far Eastern frontier, Aigun, Manchus.

Acknowledgment. *The study was carried out within the framework of the Amur State University grant “The World of Ethnic Cultures in Oriental Studies of the Far Eastern Frontier (Based on Archive Materials)”.*

Received: October 27, 2024.

Date of publications: June 25, 2025.

For citation: Zabiako A. A. The Image of Perception of the Manchus in the “Travel Notes and Memoirs” of S. V. Maksimov “In the East. A Trip to Amur (in 1860–1861)”. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 2. Pp. 109–121. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.2.008>

References

Bolotin D. P., Zabiako A. P., Pan T. A., Anikhovskiy S. Eh. (2005) “Man'chzhurskii klin”: istoriya, narody, religii [“The Manchurian Wedge”: History, Peoples, Religions]. Blagoveshchensk: AMGU. In Russian.

Derevyanko A. P., Zabiako A. P. (eds.) (2008) *Istoriya Amurskoi oblasti s drevneishikh vremen do nachala XX veka* [History of the Amur Region from Ancient Times to the Beginning of the Twentieth Century]. Blagoveshchensk: RIO. In Russian.

Fokeev A. L. (2015) *Narodnaya kul'tura v ehtnograficheskoi proze S. V. Maksimova* [Folk

Culture in the Ethnographic prose of S. V. Maksimov]. Moscow: URSS: Lenand. In Russian.

Klyaus V. L. (2015) “Russkoe Trekhreche” Man'chzhurii: Ocherki fol'klora i traditsionnoi kul'tury [The “Russian Trekhreche” in Manchuria: Essays on Folklore and Traditional Culture]. Moscow: IMLI RAN. In Russian.

Kychanov E. I. (2010) *Istoriya prigranichnykh s Kitaem drevnikh i srednevekovykh gosudarstv (ot gunnov do man'chzhurov)* [A History of the Ancient and Medieval States Bordering China (from the Huns to the Manchus)]. St. Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshch-vo. In Russian.

Myasnikov V. S. (2017). Rossiya i Vostok. Stanovlenie otechestvennogo kitaevedeniya. Chast' pervaya [Russia and the East: The Formation of Russian Sinology. Part One]. Perspektivy [Perspectives]. 20.03.2017. URL: https://www.perspektivy.info/misl/cenn/rossiya_i_vostok_stanovlenije_otchestvennogo_kitajevedeniya_chast_pervaja_2017-03-20.htm?ysclid=m1n04h8cj1216380441#r-k%20otno%20xix (accessed data: 29.09.2024).

Stefanenko T. G. (2004) Etnopsikhologiya: Uchebnik dlya vuzov [Ethnopsychology: A Textbook for Universities]. Moscow: Aspekt Press. In Russian.

Veselovskiy A. N. (2018) Sotsial'nye idealy i idealy iskusstva [Social Ideals and Ideals of Art]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2018. Vol. 19. No. 1. Pp. 13–35. In Russian.

Zabiyako A. A., Senina E. V. (2018) Obraz vospriyatiya Kitaya i kitaitsev v kul'ture i literature dal'nevostochnoi eh migratsii [The Image of Perception of China and the Chinese in the Culture and Literature of the Far Eastern Emigration]. *Emigrantologia Slowian*. 2018. Vol. 4. Pp. 5–14. In Russian.

Zabiyako A. A., Senina E. V. (2025) Russkie i kitaitsy: obrazy vzaimnogo vospriyatiya v literature [Russians and Chinese: Images of Mutual Perception in Literature]. Moscow: Vostochnaya kniga. In Russian.

Zabiyako A. A., Tsymkal O. E. (2021) Khudozhestvennaya eh nografiya v liricheskom tekste (poehticheskii eh nografizm Larissy Andersen) [Artistic Ethnography in Lyrical Text (Poetic Ethnographism of Larissa Andersen)]. *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian Vector]. 2021. Vol. 16. No.1. Pp. 45–55. In Russian.

Zabiyako A. A., Tsymkal O. E. (2024) Khudozhestvennaya eh nografiya dal'nevostochnogo frontira 1920–1940-kh gg. XX v.: zhanrovo-

tematicheskie i stilevye primety [Artistic Ethnography of the Far Eastern Frontier in the 1920–1940s: Genre-Thematic and Stylistic Features]. *Metropoliya i diaspora: a'ternativnye/tozhdestvennye miry russkoi literatury XX veka*: Koll. monografiya, posvyashchennaya pamyati professora Vladimira Veniaminovicha Agenosova [Metropolis and Diaspora: Alternative/Identical Worlds of Russian Literature of the 20th Century: Collected Monograph Dedicated to the Memory of Professor Vladimir Veniaminovich Agenosov]. Moscow: Yurist. Pp. 120–160. In Russian.

Zabiyako A. P. (2003) Kategorii "svoi" — "chuzhoi" v eh nicheskom soznanii [The Categories of "Ours" — "Alien" in Ethnic Consciousness]. In: Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh: Mater. 3-i Mezhdunar. nauch. konf. [Russia and China on Far Eastern Frontiers: Proc. of the 3rd Int. Scholarly Conf.]. Blagoveshchensk: AMGU. Pp. 224–228. In Russian.

Zabiyako A. P. (2008) Freimy v religiovedenii [Frames in Religious Studies]. *Vestnik Rossiiskogo soobshchestva prepodavatelei religiovedeniya* [Bulletin of the Russian Community of Teachers of Religious Studies]. 2008. No. 1. Pp. 33–35. In Russian.

Zabiyako A. P. (2009) Eh nicheskoe soznanie i eh noku'lturnye konstanty kak faktor russko-kitaiskikh otnoshenii [Ethnic Consciousness and Ethnocultural Constants as a Factor in Russian-Chinese Relations]. In: Russkie i kitaitsy: etnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke [Russians and Chinese: Ethno-Migration Processes in the Far East]. Ed. by A. P. Zabiyako. Blagoveshchensk: AMGU. Pp. 124–140. In Russian.

Zabiyako A. P. (2016) Porubezh'e kak dannost' chelovecheskogo bytiya ["Abroad" as a Given of Human Existence]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2016. No. 11. P. 36–56. In Russian.

© A. A. Zabiyako, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Zabiyako A. A. <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

E-mail: sciencia@yandex.ru

Tel.: +7 (4162) 23-45-60

21, Ignatievskoe Hwy, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation

DSc in Philology, Professor, Chair, Department of Literature and World Art Culture; Chief Researcher, Center for the Study of Far Eastern Emigration, Amur State University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)